

ПИСЬМА И. Ф. АННЕНСКОГО К Е. М. МУХИНОЙ*

№ 1

1 августа 1904.

Саки¹

Дорогая Екатерина Максимовна,
Я очень рад, что приобрел уже настолько сил, что могу поблагодарить Вас за Ваше доброе участие к ниспосланному мне *memento mori* **. Я еще и до сих пор не вполне уверен, что опасность миновала, так как болезненный процесс, по-видимому, далеко не миновал еще.

Своим спасением я обязан не только уходу, но самоотвержению Дины Валентиновны². Будь я на руках людей не близких мне, я бы, наверно, умер.

Кроме мучительных воспоминаний, болезнь оставила мне и интересные. Я пережил дивный день действительно великолепного бреда, который, в отличие от обычной нескладицы слов, отличался у меня удивительной стройностью сочетаний и ритмичностью. Между прочим, все мои даже беглые мысли являлись в ритмах и богатейших рифмах, и странно, что это шло периодами: сначала один размер, потом другой, легкость в подборе сочетаний была прямо феноменальная, хотя, конечно, их содержание было верхом банальности. Но вот мучительная ночь была, это — Чеховская, когда я узнал о смерти этого писателя. Всю ночь меня преследовали картины окрестностей Таганрога (которых я никогда не видал). Туманная низина, болотные испарения, мокрые черные кусты, и будто рождается душа поэта и будто она отказывается от бытия, хочет, чтобы ее оставили не быть... Тяжкая была ночь...

Ну, простите. Поклонитесь от меня Арк<адию> Андр<еевичу>. Я очень, очень рад, что мы еще послужим вместе — меня оставили на пятилетие³.

Преданный Вам

И. Анненский.

P. S. Дина Валентиновна Вам обоим кланяется, а не отвечает, п<отому> ч<то> делаю это я и она не хочет лишать больного этого удовольствия.

№ 2.

5/VI 1905.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогая Екатерина Максимовна,
Не знаю, застанет ли Вас в Интерлакене это письмо, — так Вы носитесь теперь по всему югу. А между тем письмо Ваше я только сегодня получил,

* Продолжение. Начало публикации И. Подольской см. «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1972, вып. 5.

** *Memento mori* — помни о смерти (лат.).